

АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРЫНКИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0441-0686; avbarinkin@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ ЕЕ ОКОНЧАНИЯ

А н н о т а ц и я . История изучения Первой мировой войны насчитывает более ста лет. По сложившейся традиции авторы преимущественно концентрировали внимание на вопросах дипломатии, военно-стратегического и оперативного характера. Однако проблемы, касающиеся экономической войны, долгое время находились на периферии внимания исследователей. В период 1920–1930-х годов предметом интереса правоведов, историков, экономистов, военных становились вопросы соотношения экономических потенциалов сторон, усилия участников войны по реорганизации народного хозяйства и адаптации его под нужды военного времени. Такая тенденция была характерна как для отечественной, так и для британской и американской экспертной литературы. Данная статья преследует цель рассмотреть эволюцию представлений об экономической войне, различия в оценках ее эффективности, законности, последствий, самого понятия и целесообразности данного измерения противостояния в рамках отечественной и англоязычной литературы. Наблюдения, сделанные в ходе изучения работ конца XIX – первой трети XX века, позволяют говорить о значительных расхождениях в трактовках понятия и практик экономической войны. Отличительной чертой англоязычных авторов был исключительный интерес к морской торговле в условиях военного времени и эффективности блокады Германии. В британской литературе сформировался негласный консенсус относительно того, что экономический фронт войны имел не меньшее значение в сравнении с военными фронтами. Для американских экспертов было характерно оценивать США пострадавшей стороной, что не отменяло восприятия себя уже в 1915 году единственной защитницей справедливого мироустройства и прав нейтральных стран. Отечественная литература в начале XX столетия и в первые годы войны делала ставку преимущественно на экономический потенциал России. Однако уже в 1920–1930-е годы в трудах новой плеяды экспертов было продемонстрировано большое значение экономической войны, даны определения и установлены методы и объект противоборства, описаны вызванные последним риски и необходимость принятия стратегических решений в сфере народного хозяйства, связанные с возможной угрозой морской блокады Советского государства в преддверии нового неминуемого столкновения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Первая мировая война, экономическая война, морская блокада, нейтральные страны
Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Барынкин А. В. Эволюция представлений об экономической войне накануне Первой мировой войны и после ее окончания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 39–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1108

Примеры концептуального понимания необходимости экономического противостояния как отдельного «фронта» грядущей войны в отечественной экспертной среде в преддверии 1914 года были редким явлением. При обращении к «общим выводам» многотомного исследования под условным авторством И. С. Блюха мы находим лишь некоторые замечания относительно новых вызовов предстоящей тогда войны. Каса-

тельно перспектив экономического противоборства подчеркивалось одно обстоятельство – особое значение военно-морского флота, способного на качественно новом уровне повлиять на мировую и, в частности, британскую торговлю:

«...нескольких быстроходных неприятельских крейсеров, принадлежащих воюющим между собою государствам, достаточно, чтобы прекратить морскую торговлю Великобритании»¹.

Отстаиваемый тезис о неуязвимости империи, способной в отличие от западных стран несколько лет вести оборонительную войну², удивительным образом с точки зрения сегодняшнего дня закрепился в экспертной литературе³, правительственных кругах⁴ и подходах отдельных европейских дипломатов [3: 40].

Качественно новое по своему свойству и объему неминуемое противостояние на море и следующий за этим ущерб, полагаем, подтолкнули генерала А. А. Гулевича выявить «сильную» сторону российского народного хозяйства формата конца XIX века. По убеждению военного теоретика, «чем промышленно развите и культурнее жизнь государства, тем, можно полагать, большая грозит опасность его жизненному организму»⁵.

Причины запоздалого становления представлений о всеобъемлющем военно-экономическом противостоянии можно обосновать рядом факторов. Для военно-политического руководства стран – участниц войны аксиоматичным было понимание скоротечности боевых действий, уверенность в том, что война не продлится долго [4: 240–241], [5: 118]. Развитие военно-экономической мысли в направлении заранее концептуально оформленного в стратегическую доктрину противостояния скрывалось самой убежденностью в хозяйственном и ресурсном превосходстве над Германией и ее союзниками. Так, в 1915 году М. И. Туган-Барановский отстаивал мысль о том, что Россия в отличие от Германии может «вести войну годами»⁶. Специфической чертой можно назвать также некоторое пренебрежение аналитической работой со стороны высшей власти – лично царя. Так, например, определенное понимание (касательно военной стратегии) дает сюжет, описанный в книге В. В. Гребеника. Николай II, реагируя на экспертную дискуссию о военной доктрине накануне 1914 года, заявил начальнику военной академии: «...военная доктрина состоит в том, чтобы исполнять всё то, что я прикажу» [1]. Подобные заключения в своем фундаментальном труде по истории отечественной военно-экономической мысли приводит А. А. Клейман. Опираясь на труды царских генералов, военных теоретиков (в том числе А. А. Гулевича, Н. П. Михневича, А. А. Незнамова, А. Г. Елчанинова и др.), он показал широкий спектр воззрений (вызванных к жизни, в частности, изменениями в технологическом сопровождении войны) на необходимые хозяйственные мероприятия накануне предстоящего конфликта. По его утверждению, «рекомендации русских военных теоретиков не смогли

коренным образом повлиять на политику правительства, что и подтвердили уже первые месяцы мировой войны»⁷.

Развитие представлений об экономической войне несло на себе отпечаток прежнего исторического опыта отдельных стран; оно определялось привязанностью к национальным географическим особенностям, традициям ведения войны и стремлению (либо же отсутствию такового) следовать нормам международного права того времени.

Дискуссия по вопросу экономической войны в отечественной и англоязычной экспертной среде развернулась с новой силой после окончания Первой мировой войны. На выбор объекта исследования все также оказывали влияние фактор национального опыта отдельных стран и степень их вовлеченности, как тогда писали, в «хозяйственную» войну⁸. Обращает на себя внимание факт, что в послевоенной литературе не было единого понимания и даже универсальной дефиниции экономической войны. Возможно предположить, что не было его и в годы Первой мировой войны по причине того, что само рассматриваемое явление (в плане масштаба и уникального значения в противостоянии в первую очередь по линии Великобритания – Германия⁹) набирало вес с ходом боевых действий. Тому способствовало постепенное осознание провальных расчетов на быстрый разгром противника и принятие идеи о том, что боеспособность армии в условиях затяжной мировой войны зависела от общего состояния экономики страны, принимаемых противником мер по экономическому удушению¹⁰.

Наиболее основательно роль России в экономическом противоборстве с Центральными державами была описана в эмиграции российским юристом-международником Б. Э. Нольде. Одним из первых он дал определение экономической войны в контексте международного права того времени – это система мер

«военного времени, которые государство принимает и применяет напрямую или через соответствующих лиц в пределах своей юрисдикции против сферы экономических интересов граждан противника»¹¹.

Он отмечал, что у России не было никакой ясной стратегии экономического противоборства, а причину медлительности ее становления определял тем, что экономическая война не имела корней в традиционной политике русского правительства¹². Детально рассматривая опыт войн с участием России в XVIII и XIX веках, Б. Э. Нольде пришел к принципиальному выводу о стремлении российских правящих кругов следовать правилам, которые закладывались еще

во время войны с Турцией 1768–1774 годов Екатериной II, враждебно относящейся к любому вмешательству в свободу частной морской торговли, особенно когда оно было направлено против российского торгового флота, в котором она была глубоко заинтересована и который считала своим детищем. С учетом редких исключений данный принцип сохранялся в политике России в течение всего периода после наполеоновских войн¹³.

В России война понималась как борьба между вооруженными силами, а не как попытка нанести ущерб экономическим интересам граждан противника¹⁴. Б. Э. Нольде подчеркивал, что в условиях начавшейся войны с Центральными державами «российское правительство продолжало считать экономическую войну противоречащей закону, а также нецелесообразной»¹⁵.

Разительно отличный подход демонстрирует англо-саксонская литература. Обращают на себя внимание оценки, имеющие отношение к экономической войне: «экономика вынужденного варварства»¹⁶; «история международного беззакония»¹⁷; «британское и германское беззаконие»¹⁸. Любопытно при этом отметить, насколько отличались определения экономической войны в трактовках британцев и американцев до официального вступления США в войну. Последние, ощутив на себе весь спектр последствий британско-немецкого противостояния на море, характеризовали данное явление как нарушение торговли между враждовавшими блоками и нейтральными странами с целью оказать на вражескую страну «давление», «достаточное для прекращения войны»¹⁹.

Другими словами, в случае США вся суть противоборства сводилась к его последствиям для нейтральной торговли. Считая США единственной великой державой, сохраняющей нейтральный статус, Э. Клэпп уже в 1915 году определил некоторые контуры справедливого мироустройства, в котором его родина представляла на тот момент времени единственной силой, «которая способна отстаивать права **на мир во всем мире**»²⁰, что же касается нейтрального мира, то он «**ждет, когда мы осознаем и заявим о его правах и наших**» (выделено мною. – А. Б.)²¹.

В основе британского подхода к определению экономической войны, ее значения, целей лежали совершенно другие принципы. Пожалуй, наиболее красноречивым их выразителем стал министр иностранных дел Э. Грей, который обосновывал запрещение ввоза в Германию продуктов питания стиранием разницы между немецкими гражданскими лицами и военными²². Тяжелая для Берлина блокада объяснялась грубым неоднократным нарушением Германией «самых

элементарных принципов законов наций и общей человечности» как на полях сражений, так и на море в отношении торгового флота²³. В британской литературе сложился негласный консенсус относительно того, что экономический фронт войны имел не меньшее значение в сравнении с военными фронтами²⁴, что в совокупности еще и обогатило британскую стратегию будущей войны²⁵. Авторами отмечалась эффективность военно-морской стратегии и своевременная реакция на вызовы времени со стороны британского правительства²⁶, а также деятельность «дипломатов и государственных служащих, которые возвели огромный экономический барьер и сделали его непреодолимым»²⁷. При этом считалось, что роль России в экономическом противостоянии блоков довольно быстро была сведена к минимуму по причине ее «полуизолированного» положения, несовершенной транспортной системы, слабости границ, что в конечном итоге привело к минимальному доступу к трудовым и экономическим ресурсам России²⁸.

Темы экономической войны и усилии военно-политического руководства царской России не были обойдены стороной в ранней советской историографии. Сами исследователи отмечали сложность в определении явления экономической войны, объясняя этот факт тем, что «в понятие и термин экономической войны вкладывается различными авторами самое разнообразное содержание»²⁹. Наиболее точным в определении рассматриваемого феномена был Е. Святловский, понимающий под экономической войной меры, «которые имеют целью путем экономических средств парализовать военную мощь противника, или путем военных или экономических средств нанести удар по экономике противника»³⁰. В отличие от всех рассмотренных в данной статье исследователей именно Е. Святловскому принадлежит уникальное понимание объекта экономической войны. В отличие от российских / советских и зарубежных коллег под таковым он понимал не объекты инфраструктуры, промышленного производства, торговые связи и т. д., а в первую очередь «само население»³¹.

С. С. Варшавер, М. Нахимсон и Я. А. Иоффе отмечали, что наступающей стороной и инициатором этого вида противостояния была Великобритания³², действия которой в отношении России оценивались критически, так как Лондон набирал вес для экономического противоборства, предпочитая в то же время «сражаться до последнего русского солдата»³³.

Особо востребованной оказалась новейшая история экономической блокады Германии. Усилия британцев по «экономическому удушению» неприятеля оценивались высоко³⁴. П. В. Гельмерсен

убеждал, что «не поражения на суше или на море, а следствия голодной блокады поставили германский народ на колени перед его победителями»³⁵. Практическую значимость такого рода исследований обнажили П. В. Гельмерсен и Я. А. Иоффе не в последнюю очередь в контексте несовершенства и откровенной слабости механизмов международного права в сфере морской торговли в годы Первой мировой войны. Последнее было связано с тем, что Советская Россия испытала на себе все тяготы блокады со стороны Антанты, что обязывало пристально изучать как методы «голодной блокады» в отношении континентальной державы, так и методы противодействия ей³⁶, поскольку, как утверждал Я. А. Иоффе, опыт мировой войны проиллюстрировал, с какой легкостью нарушалось тогда международное право³⁷.

Невысокой оценки удостоились действия царского военного и политического руководства в вопросе институционализации усилий в процессе экономического противостояния. Отмечалась, например, несвоевременность создания специального органа, на который можно было бы возложить сбор «различными ведомствами сведений об экономической жизни наших противников» («Бюро экономической войны») [2: 342–343]. Такие планы появились только в самом начале 1917 года и являлись, предположительно, частной инициативой, в конечном итоге не получившей должной поддержки из-за критического отношения к проекту со стороны военного министра в апреле 1917 года [2: 344].

В трудах М. Нахимсона³⁸ и Я. А. Иоффе³⁹ в общих чертах описывались действия царского правительства в отношении международной торговли, иностранных подданных и их активов на территории России. Последние меры не подвергались глубокому изучению, что могло произойти вследствие малой вероятности повто-

рения ситуации, при которой в новых социально-экономических реалиях СССР иностранные собственники предприятий обеспечивали бы тысячи рабочих мест для советских граждан, в том числе в стратегических секторах экономики. Исследователей интересовали преимущественно те аспекты, знание которых позволило бы дать универсальные рекомендации военно-политическому руководству в свете приближения неминуемой войны на западе. Такие «рецепты» были озвучены в фундаментальном труде С. Н. Прокоповича уже в 1918 году, и сводились они преимущественно к необходимости всестороннего «развитии ее производительных сил» при отрицании прежней ставки на такую форму экономики, при которой «и войне разорять нечего»⁴⁰.

В авторском тезисе была очевидна неприязнь к концепциям А. А. Гулевича и И. С. Блюха. В данном отношении молодая экспертная литература Советской России разрывала любые связи с предвоенными рассуждениями о «великости» России, бывшей «сильной в своей слабости», выразителем чего (помимо С. Н. Прокоповича) стал П. Шаров. Предвидя высокую вероятность блокады СССР (в том числе частичной)⁴¹, он отстаивал тезис о необходимости обеспечения независимости от иностранных рынков и иностранного сырья⁴², а также декларировал высочайшую задачу построения хозяйства «индустриального аграрного типа», которому не будет угрожать блокада⁴³. Сознывая феномен экономической войны, пройдя опыт блокады странами Антанты, высоко оценивая эффективность мер, принятых Британией против Германии, уже в 1920-е годы был сделан неминуемый и заслуживающий внимания вывод о необходимости построения самодостаточной хозяйственной системы, способной во время испытания войной закрывать потребности фронта и тыла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. С. Общие выводы из сочинения «Будущая война» в техническом, политическом и экономическом отношении. СПб., 1898. С. 163–165.

² Там же. С. 166.

³ Гулевич А. А. Война и народное хозяйство. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1898. С. 136; Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство // Вопросы мировой войны. Петроград: Право, 1915. С. 321.

⁴ Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. 2-е изд., доп. М., 1918. С. 14.

⁵ Гулевич А. А. Указ. соч. С. 106.

⁶ Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство... С. 321.

⁷ Клейман А. А. Возникновение и развитие военно-экономической мысли в России (середина XIX – первая треть XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 1999. С. 14.

⁸ Иоффе Я. А. Блокада и народное хозяйство в мировую войну: Очерк. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 5.

⁹ Гельмерсен П. В. Морская блокада. М., 1925. С. 4.

¹⁰ Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 29.

¹¹ Nolde B. E. Russia in the economic war. New Haven, 1928. P. 21.

¹² Ibid. P. 2.

¹³ Ibid. P. 7.

¹⁴ Ibid. P. 8.

¹⁵ Ibid. P. 11.

¹⁶ Crowther G. Waysand Meansof War. Oxford, 1940. P. 11.

- ¹⁷ Clapp E. J. Economic aspects of the war; neutral rights, belligerent claims and American commerce in the years 1914–1915. New Haven, 1915. P. 1.
- ¹⁸ Ibid. P. 15.
- ¹⁹ Ibid. P. 4.
- ²⁰ Ibid. P. 5–6.
- ²¹ Ibid. P. 11.
- ²² Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 53.
- ²³ Scott L. F., Shaw A. Great Britain and neutral commerce. Pt. I: Great Britain and the right of search. Pt. II: The British blockade of Germany. London, 1915. P. 17, 19.
- ²⁴ Bell A. C. A history of the Blockade of Germany and the countries associated with her in the great war, Austria-Hungary, Bulgaria, and Turkey, 1914–1918 (History of the Great War based on Official Documents). London, 1961. P. 32; Scott L. F., Shaw A. Op. cit. P. 17; Garvin J. L. The economic foundations of peace; World-partnership as the truer basis of the league of nations. London, 1919. P. 37, 38.
- ²⁵ Crowther G. Op. cit. P. 2.
- ²⁶ Garvin J. L. The economic foundations of peace; World-partnership as the truer basis of the league of nations. London, 1919. P. 37.
- ²⁷ Bell A. C. Op. cit. P. 31, 32.
- ²⁸ Garvin J. L. Op. cit. P. 36.
- ²⁹ Варшавер С. С. Международный обмен и война // Народное хозяйство и война: Библиографический справочник / Под ред. С. А. Пугачева, С. О. Ботнера, Б. С. Букина, А. В. Гиршфельд. М., 1927. С. 30.
- ³⁰ Святловский Е. Экономика войны. М.: Воен. вестник, 1926. С. 391.
- ³¹ Там же. С. 392.
- ³² Варшавер С. С. Указ. соч. С. 31; Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 32; Нахимсон М. (Спектатор). Мировое хозяйство до и после войны. Т. 2. Мировое хозяйство за годы 1914 по 1918. М.; Л., 1926. С. 122.
- ³³ Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 34.
- ³⁴ Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. М., 1928. С. 150; Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 6, 30; Нахимсон М. (Спектатор). Указ. соч. С. 122.
- ³⁵ Гельмерсен П. В. Указ. соч. С. 1.
- ³⁶ Там же. С. 64.
- ³⁷ Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 52.
- ³⁸ Нахимсон М. (Спектатор). Указ. соч. С. 122–123.
- ³⁹ Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 39–40.
- ⁴⁰ Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 13.
- ⁴¹ Шаров П. Указ. соч. С. 155.
- ⁴² Там же. С. 150, 155.
- ⁴³ Там же. С. 154.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гребеник В. В., Бушуев С. А., Кривцов О. Ф. Новая парадигма экономической и военной безопасности России. Онтологические и методологические основы формирования. М.: Международная акад. оценки и консалтинга, 2012. 383 с.
2. Звонарев К. К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Киев: Издательский дом «Княгиня Ольга», 2005. 696 с.
3. Муравьева Л. А. Экономика и финансы России в период Первой мировой войны (1914–1918) // Финансы и кредит. 2002. № 6 (96). С. 39–48.
4. Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 448 с.
5. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.

Поступила в редакцию 03.10.2024; принята к публикации 31.10.2024

Original article

Artem V. Barynkin, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0441-0686; avbarinkin@yandex.ru

**EVOLUTION IN PRE- AND POST-WWI PERSPECTIVES
ON ECONOMIC WARFARE**

Abstract. The study of the First World War has a history that spans over a century. Traditionally, researchers have primarily concentrated on diplomatic, military-strategic, and operational aspects of the war. In contrast, the economic

dimensions of warfare have long been somewhat overlooked. In the 1920s and 1930s, legal scholars, historians, economists, and military experts began to explore the relationship between the economic capabilities of the warring parties and the efforts made by these nations to reorganize their national economies to meet wartime demands. This interest was evident in Russian, British, and American academic literature. This article aims to investigate the evolution of ideas surrounding economic warfare, the varying assessments of its effectiveness and legality, its consequences, the concept itself, and the appropriateness of this dimension of confrontation within the framework of Russian and English-language literature. The analysis of texts from the late XIX century through the first third of the XX century reveals significant variations in how economic warfare was interpreted and practiced. A notable feature among English-language authors was their particular focus on maritime trade during wartime and the effectiveness of the blockade of Germany. British authors reached an unspoken consensus on the importance of the economic front, viewing it as equally significant as the military fronts. American scholars tended to frame the United States as a wronged party, while embracing its role of the sole defender of a just world order and the rights of neutral nations as early as 1915. In contrast, Russian literature in the early XX century and during the initial years of the war primarily emphasized the economic potential of Russia. However, by the 1920s and 1930s, a new generation of experts demonstrated the critical importance of economic warfare, offering definitions and establishing methods and objectives for this type of conflict. They also described the risks associated with economic warfare and the strategic decisions needed to mitigate the potential threat of a naval blockade facing the Soviet state in anticipation of an inevitable future conflict.

Key words: World War I, economic warfare, naval blockade, neutral states

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation's grant No 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

For citation: Barynkin, A. V. Evolution in pre- and post-WWI perspectives on economic warfare. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):39–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1108

REFERENCES

1. Grebenik, V. V., Bushuev, S. A., Krivtsov, O. F. New paradigm of economic and military security of Russia. Ontological and methodological foundations of formation. Moscow, 2012. 383 p. (In Russ.)
2. Zvonarev, K. K. Secret agent intelligence. Russian secret agent intelligence of all kinds before and during the war of 1914–1918. German secret agent intelligence before and during the war of 1914–1918. Kyiv, 2005. 696 p. (In Russ.)
3. Muravyeva, L. A. Economy and finance of Russia during the First World War (1914–1918). *Finance and Credit*. 2002;6(96):39–48. (In Russ.)
4. Novikova, I. N. “Between the hammer and the anvil”: Sweden in the German-Russian confrontation in the Baltic Sea during the First World War. St. Petersburg, 2006. 448 p. (In Russ.)
5. Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis. (Yu. A. Petrov, Ed.). Moscow, 2014. 982 p. (In Russ.)

Received: 3 October 2024; accepted: 31 October 2024